

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

О.О. Ленюкова (Минск, БГУ)

ОСОБЕННОСТИ ЭПИСТОЛЯРНОГО РОМАНА В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ («Моя жизнь с Моцартом» Э.-Э. Шмитта)

В последние годы в отечественном литературоведении заметно возрос интерес к вопросам развития и функционирования жанров, их дифференциации и взаимодействия, к феномену жанрового синкретизма (В.П. Рагойша, С.Я. Гончарова-Грабовская, А.Н. Андреев, О.Ф. Жилевич и др.). При этом самые значительные трансформации претерпел роман, который, по выражению Бахтина, «находится в процессе становления и не имеет законченного вида» [1], соединяясь с мифом, утопией, антиутопией, эпистолярным романом.

Следует отметить, что проблема современного французского эпистолярного романа изучена недостаточно как в отечественном литературоведении, так и во французской науке. В связи с этим наше обращение к настоящей теме представляется закономерным и научно перспективным. Актуальность темы обусловлена потребностью в теоретическом обосновании феномена современного французского эпистолярного романа и необходимостью рассмотрения творчества признанных писателей современности, создавших его художественные образцы. Эрик-Эмманюэль Шмитт (Eric-Emmanuel Schmitt, р. 1960), являясь одним из самых востребованных авторов Франции, который смело экспериментирует с жанрами и жанровыми формами, затрагивает табуированные современным обществом темы. Произведение «Моя жизнь с Моцартом» (*Ma vie avec Mozart*, 2005), до сих пор не переведенное ни на русский, ни на белорусский языки, представляет особый интерес в первую очередь из-за трудности его жанрового определения. Написанное в эпистолярной форме, самим автором оно названо автобиографией, при этом с успехом поставлено на французской сцене как монопеса. В контексте же данной работы произведение интересует нас именно как своеобразный эпистолярный роман.

По мнению исследователя русского эпистолярного романа О.О. Рогинской, произведения данной жанровой разновидности, являясь художественными текстами, занимают промежуточное место между художественной и документальной литературой. Литературовед также считает, что эпистолярный роман – это роман «в эпистолярной форме и одновременно роман с эпистолярным сюжетом: история о переписке героев рассказана в форме писем. Каждое из писем в составе романного целого одновременно является и «настоящим» письмом (для героев), и художественной формой (для автора)» [2]. Такая двойственность, лежащая в основе эпистолярного романа, предоставляет автору возможность сформировать уникальную художественную действительность.

Каждый эпистолярный роман обладает присущими только ему художественными особенностями, что обусловлено своеобразием творческой манеры автора, его эстетической концепцией, философской позицией, временем создания произведения. Обращаясь к истории этой жанровой разновидности, следует отметить, что возникновение первых ее образцов в европейской литературе относится к XVII веку. В XVIII веке эпистолярный роман познает расцвет, формируется его жанровый канон. Многие наиболее знаменитые романы в это время написаны в эпистолярной форме («История сэра Чарльза Грандисона» С. Ричардсона, «Юлия или Новая Элоиза» Ж.-Ж. Руссо, «Страдания юного Вертера» И.В. Гёте, «Опасные связи» Ф. Шодерло де Лакло и др.). Далее, в XIX веке, роман в письмах пошел на убыль – наблюдается некоторый его упадок. Развиваясь на основе исторического повествования, эпистолярный роман все чаще включает в себя значительные драматические элементы, из-за чего панорама общественной жизни уже не укладывается в рамки исключительно формы переписки. При этом письма все еще занимают значительное место в структуре произведений Ж. Санд, О. де Бальзака, Ф. Стендаля, А. де Мюссе, Ч. Диккенса. В XX веке существование эпистолярного романа как самостоятельной жанровой разновидности остается под вопросом. Существуют мнения как о его «смерти», так и о его возрождении. Во всяком случае, есть основания говорить о том, что в современной французской литературе существуют различные модификации эпистолярного романа, и эта ситуация лишней раз подтверждает наличие в нем больших потенциальных возможностей для дальнейшего развития.

Использование эпистолярной формы, т. е. формы письма и переписки, дает автору возможность показать окружающую его действительность совершенно особым, уникальным образом, создает своеобразную модель мира. Именно эпистолярную форму все чаще использует в своих произведениях Э.-Э. Шмитт, многогранность таланта которого раскрывается от произведения к произведению, а глубина философских поисков легко познается благодаря внешней простоте их изображения. Драматург, романист, эссеист, свое призвание он видит в том, чтобы дарить людям надежду в исполненном разочарований мире. Он

сумел доказать, что писатель способен обрести широкую популярность и вместе с тем оставаться глубокой и сложной личностью. Творчество писателя отмечено рядом премий, среди которых театральная премия «Мольер» (1994), премия Французской академии за совокупность его произведений (2001), литературная премия Ротари (2005). Некоторые из его произведений были экранизированы («Распутник», «Оскар и Розовая Дама» и др.).

В белорусском и российском литературном пространстве Шмитт появился сравнительно недавно (начало нынешнего столетия), однако его творчество сразу же завоевало внимание читателей. Успех произведений этого писателя в мире несравним с их теоретическим осмыслением. Немногочисленные исследования как в Европе, так и в России осуществлялись в основном за рамками литературоведения. Главным образом анализировались философские аспекты его произведений. Мы отмечаем, что произведения автора имеют не только философскую, но и филологическую ценность. Однако в качестве объекта литературоведческих исследований творчество Шмитта привлекалось весьма редко (например, диссертация на соискание ученой степени кандидата наук А.С. Сорокиной «Творчество Э.-Э. Шмитта: философия детства»). Произведения писателя относятся к тем редким феноменам, когда автор обладает своим собственным, не похожим ни на какое другое видением жизни и мироздания, причем оптимистическим, что совершенно необычно для современной французской литературы, в последние годы все чаще уходящей в сторону депремизма (от франц. *déprime* (f) – тоска, депрессия). Здесь имеются ввиду установка Шмитта на позитивное мышление, принцип «любования жизнью» с принятием тяжести существования, попытка автора ухватить неуловимый смысл бытия, его истину. М. Мейер в этой связи отмечает, что Шмитт – «глубоко философский писатель: по его мнению, нужно согласиться с идеей, что все значительные проблемы человеческого существования не имеют в действительности одного решения, а только множество решений» [3].

Оговоримся, что произведения Э.-Э. Шмитта в жанровом отношении невозможно определить однозначно. Творческая свобода, открытая XX веком, и в частности – постмодернизмом, сделала актуальной эклектику стилей и гибридизацию жанров. Учитывая это, произведению «Моя жизнь с Моцартом» мы условно даем жанровую дефиницию эпистолярной автобиографии. В целом свою прозу и драматургию писатель условно разделил на жанры (романы, рассказы, новеллы, эссе, драмы), а также выделил несколько тематических циклов. Некоторые из последних имеют свои названия (например, «Cycle d'invisible», в который к данному моменту входит пять произведений). Книга «Моя жизнь с Моцартом» самим автором обособлена от других его произведений в раздел «Le bruit qui pense» («Шум, который думает»). В 2010 г. в него же Шмитт включил произведение «Quand je pense que Beethoven est mort alors que tant de créatures vivent» («Когда я думаю о том, что Бетховен умер, в то время как столько дураков еще живет»). Обе книги, очевидно, посвящены великим композиторам и музыке.

В начале книги «Моя жизнь с Моцартом» читатель знакомится с измученным, психически неуравновешенным подростком – потерянным и разбитым: «В то время я протестовал против жизни как таковой. В 15 лет, как у большинства подростков, у меня не было желания существовать в этом мире» [5] (здесь и далее перевод наш – О. Л.). В переломный момент своей жизни мальчик, которому автор дает свое имя – Эрик, случайно попадает на репетицию «Женитьбы Фигаро», одного из известнейших произведений Моцарта. Он слышит арию графини Альмавива, исполняемую божественным голосом внешне некрасивой оперной певицы. Мальчик воспринимает эту музыку как знак, посланный ему гениальным композитором, как письмо, призванное открыть ему другой мир. Моцарт спасает жизнь подростку, последний же, в свою очередь, понимает, что не стоит покидать мир, который, оказывается, может быть полон духовного богатства и красоты. «En entendant cette musique de Mozart, c'est tout cela que j'ai compris et qui m'a remis sur le chemin de la vie» [5] («Слушая музыку Моцарта, я понимал, что она постепенно возвращает меня к жизни»). С того момента герой-рассказчик и гениальный композитор больше не расставались никогда: «Il est devenu mon maître de sagesse, m'enseignant des choses si rares, l'émerveillement, la douceur, la sérénité, la joie» [5] («Он стал моим наставником благоразумия, побуждая меня испытывать такие редкие чувства, как восхищение, нежность, безмятежность, радость»).

Полный восхищения, признательности и любви, Эрик-Эмманюэль Шмитт дарит нам свою книгу, самую личную и откровенную. После ее выхода один французский журналист интернет-портала «www.yahoo.fr» заметил: «Впервые Шмитт пишет книгу от первого лица, отказываясь от маски» [4].

«Моя жизнь с Моцартом» – это очень искреннее повествование, автобиография, рассказанная посредством «бумажно-музыкальной» переписки, т. е. общения, которое осуществляется между героем-рассказчиком (посредством написания писем, полных вопросов и недосказанности), и Моцартом (посредством музыкальных произведений, которые дают на эти вопросы не вербальный, а музыкальный ответ). Таким образом, это история превращения мальчика-подростка, находившегося на грани суицида и обуреваемого необузданными чувствами, в благоразумного, духовно богатого, вдумчивого и влюбленного в жизнь мужчину.

Письма Моцарта – это 16 превосходных фрагментов музыкальных произведений, их названия вписаны Шмиттом в текст романа, а для полного понимания произведения французское издательство Albin

Michel дополняет книгу лазерным диском с записью композиций, которые пронумерованы в порядке их появления в произведении. Синтез музыки и литературы, блестяще примененный автором, позволяет читать письма адресанта и одновременно слушать ответы адресата. Эти ответы неоднозначны, сложны, таинственны. Только тот, кто способен слышать сердцем, чувствовать душой, сможет найти в них не просто набор нотных композиций, а успокоение и истинную красоту. Как говорит сам писатель, «в этой книге я не говорю о музыке в контексте музыковедения. Я говорю о ней как о конструктивном элементе нашей духовной жизни. Это гуманистические послания» [4].

Шмитт говорит в своем интервью: «Если нет диалогической структуры, мне становится не по себе. Это и есть то, что делает возможным открытость, диалог, обмен, встречу, переход от одного ответа к другому, противоречие» [4]. Благодаря такой диалогической структуре реализуется единство противоположностей. Диалогическое начало позволяет разносторонне раскрыть тему и приблизиться к искомой автором истине. Исходя из того, что письмо по определению диалогично и в идеальном варианте подразумевает наличие как минимум двух собеседников, мы можем говорить о том, что эпистола в романе «Моя жизнь с Моцартом» является не только формальным, но и содержательным элементом повествования, работающим на воплощение творческой концепции писателя.

Если применить к художественному творчеству Э.-Э. Шмитта эпитет «эпистолярное», то объектами нашего исследования могли стать многие его произведения, поскольку автор нередко отдает предпочтение форме письма и переписки («Евангелие от Пилата», «Оскар и Розовая Дама», «Женщина в зеркале»). «Моя жизнь с Моцартом» – это синтез эпистолярного романа и художественной автобиографии. Обе жанровые разновидности представляют собой, по мнению Л.Я. Гинзбург, «человеческий документ», что позволяет говорить об их идейном единстве. Автобиография, кстати, выступает в анализируемом романе в своем идеальном виде, сохраняя главные черты жанрового канона (жизнь представлена как целое, начало события отделено от момента повествования временным промежутком, происходит не просто рассказ, а переосмысление описываемых событий сквозь призму прожитых лет), более того, может быть зафиксирована в качестве жанровой дефиниции данного произведения (во всяком случае, как мы уже говорили, сам Шмитт в предисловии называет свой роман именно автобиографией). Однако важным для нас является то, что это утверждение не разрушает внутреннюю целостность эпистолярного романа. И в автобиографии, и в эпистолярном романе основной конфликт обнаруживается не в сфере отношений человека с миром, а внутри самой личности. Здесь на первый план выходит вопрос о взаимодействии эпистолярной формы с формой воспоминаний (дневника), о функционировании автобиографического элемента в произведении.

Формально «Моя жизнь с Моцартом» – это типичная переписка, эпистолярное повествование, практически классический эпистолярный роман (своего рода отклик на «Персидские письма» и произведения XVIII века, в числе которых романы Руссо, Шодерло де Лакло и др.). Однако этот отклик весьма специфичен: письма Шмитта хотя стилистически и соответствуют этикету и культуре переписки, они осовременены, просты по манере, всегда с маркированным началом *Cher Mozart* (Дорогой Моцарт) и завершением *A demain* (До завтра), *Je t'embrasse* (Обнимаю тебя) вместо общепринятых у французов развернутых фраз-клише. В тоже время в каждом письме присутствует постскриптум – обязательный структурный элемент эпistolы. С другой стороны (и это самое важное), адресат физически недосыгаем, с ним нельзя поговорить в интерактивном режиме, он отвечает посредством музыкальных произведений, причем весьма нерегулярно (более того, ближе к концу произведения письма героя-рассказчика вообще носят односторонний характер – как письма никуда или письма самому себе). Данный прием демонстрирует нам, как Э.-Э. Шмитт, испытывая тенденции развития современного литературного процесса, косвенно размышляет и над жанровой константой эпистолярного романа, и над самой природой эпистолярной формы, и над типом отношений «адресат-адресант».

Еще одна существенная особенность произведения Шмитта дает о себе знать на тематическом уровне. Вместо традиционной для эпистолярного романа любовной тематики автор обращается к теме дружбы. Это чувство, которое при желании тоже можно назвать любовью – сына к отцу или ученика к наставнику, – изображается Шмиттом как бескорыстное и безвозмездное: герой от такой дружбы, формально не получая ни одного словесно оформленного совета или утешения, приобретает невероятно многое – желание жить: «*Tu m'as appris la vie. Grace a toi je suis en vie*» [5] («Ты научил меня жить. Благодаря тебе я выжил»).

По большому счету, можно констатировать, что тема дружбы так же «удобна» для эпистолярного романа, как и тема любви, поскольку и она позволяет раскрывать душевные переживания, чувства героя.

Особенностью современного эпистолярного романа является тенденция к сокращению его объема. Произведение «Моя жизнь с Моцартом» тоже невелико (160 страниц), поэтому его скорее можно было бы отнести к средним повествовательным формам. Однако тенденция к уменьшению размеров произведения не доведена автором до логического завершения, т. е. не приводит к потере эпистолярной формы и к функционированию письма как вставного элемента в составе текста.

Разумеется, в смешении жанров и жанровых форм Шмитт не является новатором. Не только современная литература, но и достижения Эпохи Просвещения, художественным наследием которой восхищается писатель, вдохновили его на эксперименты с жанрами, поспособствовали утверждению эпистолярности как доминанты его творчества. Обогатив свою фантазию возможностями классического эпистолярного романа XVIII века и открытиями литературы и культуры XXI века, Э.-Э. Шмитт подменяет реального адресата вымышленным; усиливает автобиографический элемент повествования, используя совпадения имени автора и героя-рассказчика, обогащая и усложняя эпистолярный роман новой гаммой чувств и переживаний; осовременивает слог переписки; синтезирует музыку и литературу. В результате эпистолярный роман приобретает совсем иной облик. «Моя жизнь с Моцартом» является наиболее ярким примером современного французского эпистолярного романа, когда невозможно говорить о чистоте какой-либо жанровой разновидности. Э.-Э. Шмитт, творчеству которого свойственен жанровый синкретизм, предложил читателю органичный синтез разных романских разновидностей, полностью отвечающий его концепции художественного творчества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин, М.М. Проблема речевых жанров / М.М. Бахтин // Собр. соч. / М.М. Бахтин. – Т. 5: Работы 1940–1960 гг. – М.: Русские словари, 1996. – С. 159 – 206.
2. Рогинская, О.О. Эпистолярный роман: поэтика жанра и его трансформация в русской литературе: автореф. ... дис. канд. филол. наук: 10.01.08 / О.О. Рогинская. – М.: РГГУ, 2002. – 13 с.
3. Meyer, M. Eric-Emmanuel Schmitt ou les identités bouleversées / M. Meyer. – Paris: Albin Michel, 2004. – 160 p.
4. Le Site officiel d'Eric-Emmanuel Schmitt [Source électronique]. – Mode d'accès: http://www.eric-emmanuel-schmitt.com/fr/news_fr.php?oesec_id=1. – Date d'accès: 18.04.2009.
5. Schmitt, Eric-Emmanuel. Ma vie avec Mozart / Eric-Emmanuel Schmitt. – P., 2005.